

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ ПУШЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В МОСКОВСКОЙ РУСИ

I. Орнаментированные и подписные русские орудия XV и первой половины XVI вв.

Стремление к „орнаменту“ — „украшению“ свойственно человеку, и он почти с первых дней своего первобытно-культурного состояния старался „украшать“ все предметы своего обихода не только мирного, но и военного назначения.

В разные времена у разных народов орнамент выражался в различных формах, соответственно степени их экономического и культурного развития. Отсюда бесконечное число „стилей“ и их разновидностей. Последние быстро становились „международными“ („модными“), распространяясь часто на далекие расстояния. Передавались они различными путями: и через отдельные предметы, привозившиеся из-за границы и случайно или намеренно ставшие образцами для местного производства, и через иноземных специалистов, вызванных для насаждения в стране более высокой культуры, и через руководства, которые всегда и везде существовали в том или ином виде.

На Руси вообще, и в Москве в частности, мы найдем отголоски почти всех элементов пышного орнаментального искусства эпохи возрождения.

Они сказались на самых разнообразных предметах от миниатюры и заставки в книге, от тисненого узора на кожаном переплете до тяжелого артиллерийского орудия, отлитого итальянскими, немецкими и русскими мастерами.

Орнаментике русских орудий и посвящается настоящий очерк.

Русская артиллерия прошла в своем развитии все те же ступени, что и западно-европейская артиллерия, и одевалась в такой же пышный наряд орнаментов, гербов и надписей.

Посмотрим бегло, что же имела Москва к концу XV и началу XVI вв. своими образцами и как она использовала их.

Как известно, огнестрельные орудия появились в Европе в начале XIV в. и первоначально выделывались из железа. В середине XV в. в изготовлении орудий перешли на другую технику — литье из бронзы; эти орудия начали постепенно снабжать надписями и украшать гербами, орнаментами из растительного и животного мира как реального, так и фантастического. Как на один из сравнительно ранних примеров орнаментики

литого орудия можно указать на так называемую пушку Карла Смелого, герцога Бургундского (1433—1477), на которой имеются герб и на торели — изображение головы льва.¹

Орнамент на западно-европейских орудиях разнообразен: герб², фриз³ (поясок) гладкий или узорный, изображения птиц⁴, животных⁵. Он то скромный и простой, то пышный и сложный, и иногда покрывает орудия сплошным ковром, или чисто орнаментальным⁶ или наполненным отдельными изображениями⁷ и сценами⁸. Иногда орнамент орудия имеет образцы, общие с графикой больших мастеров, или, может быть, и их воспроизведения; например, на русской гаубице 1542 г. имеется изображение оленя, почти совпадающее с таковым же на одной из гравюр Луки Кранаха⁹.

По изображениям на орудиях гербов, животных, птиц и т. п. они носят и соответствующие названия: *Bussona*¹⁰, „Лев“¹¹, „Кошечка“¹², „Черный дрозд“¹³ и т. п.

Кроме изображений на этих орудиях почти всегда имеются надписи, содержащие даты, имена мастеров¹⁴, заказчика¹⁵, иногда указание события, послужившего поводом к отливке орудия¹⁶, часто какое-нибудь изречение от лица орудия¹⁷; надписи эти то кратки¹⁸, то пространны¹⁹.

С XVIII в. кончаются пышные украшения орудий, и мы видим на них вновь скромные начальные элементы орнаментики: герб, дату и краткую надпись²⁰.

Таков путь, пройденный орнаментикой западно-европейских орудий за XV—XVIII вв.

Тем же путем шла орнаментика и русских орудий.

Последние появились на Руси в конце XIV в., как и на западе, первые наши орудия были кованы из железа; затем ковку заменило литье из меди и бронзы. Орнаментики на древнейших русских орудиях из железа мы пока не знаем, литых же орнаментированных сохранилось много.

¹ Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen Leipzig, 1872. Табл. XLV — XLVI.
² Там же табл. LI — LII, LXVIII — LXIX, LXXIX-а и др., Бранденбург, Ук. соч., ч. III, № 1, 3 и др.
³ Quellen ... табл. XCVI-а. С — CI и др.
⁴ Там же. Табл. CXVI — CXVII (1526 г.) и др. Бранденбург. Ук. соч., ч. III, № 4, 5, 51 и др.
⁵ Quellen ... табл. CII — CIII, CXIII — CXIV и др. Бранденбург. Ук. соч., ч. III, № 46, 87 и др.
⁶ Quellen ... табл. CII — CIII и др.
⁷ Там же, табл. CVII — CVIII, CIX — CX и др.
⁸ Там же, табл. CXV-в.
⁹ См. ниже стр. 29, 30 фиг. 9, 11.
¹⁰ Quellen ... 1482 г. От герба „Aubusson“, — табл. XLVII — XLVIII, стр. 47.
¹¹ Там же табл. LXX — LXXI, стр. 55. Бранденбург. Ук. соч., ч. III, № 87, 88 и др., стр. 65 — 66 и др.
¹² Бранденбург. Ук. соч., ч. III, № 46, стр. 37 — 38.
¹³ Там же, № 4, стр. 3.
¹⁴ Там же, № 4, 5, стр. 3 — 4 и др.
¹⁵ Там же, № 2, 44 и др.
¹⁶ Там же № 44, 48, 49 и др.
¹⁷ Там же, № 5, стр. 4. „Я дрозд, моим именем нагоняют страх на людей“, (1541) и др.
¹⁸ Там же, № 43, 47, 88 и др.
¹⁹ Там же, № 46, 48, 49, 87 и др.
²⁰ Там же, № 165, 166, 167, 174 и др.

Техника литья была давно хорошо известна на Руси и обслуживала, главным образом, нужды культа, — колокола и литые образки известные у нас с давних пор (XI в.).

Колокола имели надписи и были украшены орнаментами. Например, во Пскове, в церкви Климента в Завеличье еще в начале этого века висел небольшой колокол с прекрасным литым фризом из изображений животных;¹ колокол с изображениями единорогов и крокодилов с подписью 1557 г. (7065) известен в селе Ратмирове.²

От литья колоколов не трудно было перейти к литью пушек и обратно, и мы знаем примеры, когда „пушечники“ лили колокола: так, в 1487—8 г. (6996) „Федько-пушечник“ — отлил колокол в Боровский Пафнутьев монастырь,³ а в 1503 г. „Петр-пушечник“ (Фрязин) отлил колокол в 350 пудов.⁴

Если затрудняло русских литье колоколов и пушек больших размеров, то на это были иноземные мастера, которых Москва с конца XV в. выписывала охотно, не жалея средств. Работы этих мастеров поражали москвичей своей грандиозностью и отмечались летописями.⁵

С 70-х годов XV в. московское правительство стало систематически вызывать иностранных специалистов, по преимуществу итальянцев, для производства больших работ по укреплению и украшению Кремля и инструктирования московских мастеров, оставших от современной западно-европейской техники. Летописи не раз отмечают такие, так сказать, „массовые“ вызовы, причем во всех случаях вызывались и „пушечники“.

Первый такой вызов относится к 1475 г., через два года после брака Ивана III с Софией (Зоей) Палеолог, внесшей в полудикую „Московию“ современную ей западно-европейскую культуру. В этом году „пришел из Риму посол великого князя Семен Толбузин, а привел с собою мастера Муроля, кой ставит церкви и палаты, Аристотеля именем; также и пушечник той нарочит лити их и бити ими; и колоколы и иное все лити хитр вельми“.⁶

Аристотель Фиораванти приехал в Москву не один, а с сыном Андреем да „паробком Петрушею“.⁷ Он положил в Москве прочное начало пушечному литейному делу по всем требованиям современной европейской техники: им была устроена в Москве „пушечная изба“, т. е. завод, на котором и стали изготовлять орудия.⁸

К сожалению, орудия с именами Аристотеля, его сына Андрея и „паробка Петрушки“, нам неизвестны. Первые известные подписные орудия 80—90-х годов XV в. носят имя „Якова“, возможного ученика

¹ Автор видел его на колокольне этой церкви в 1912 г.
² Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду, Москва, 1843 г., стр. 41.
³ Орлов А. С., акад. Библиография русских надписей, XI — XV вв. М.—Л., 1936, стр. 136, № CCXLIV.
⁴ Снегирев И. Памятники московской древности. М. 1842—1845 стр. 110.
⁵ Полное собрание Русских летописей. т. XII, стр. 219; там же, том XX, 1 пол., ч. 1, стр. 418.
⁶ ПСРЛ (Полное собрание русских летописей), том XII, стр. 157.
⁷ Там же, том XX, ч. 1, стр. 302.
⁸ Бранденбург. Ук. соч., ч. 1, стр. 52 и след. Снегирев В. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля М. МСМXXXJ (1935), стр. 92 и др.

Аристотеля Фиораванти, и „Яковлевых учеников Вани да Васюка“, а летопись сохранила известие о большой пушке, вылитой в 1488 г. итальянцем, Павлом Дебосисом.¹

Вторая партия иностранных специалистов вызвана была также из Италии в 1490 г., и также среди них находился „пушечный мастер Яков Фрязин с женою“.² Орудия с именем „Якова Фрязина“ известны по описаниям XVII в. старых артиллерийских нарядов.³

Третья партия была вызвана в 1494 г. опять из Италии и опять среди мастеров был „пушечник-Петр“ („Фрязин“).⁴ С его именем по описям XVII в. известно одно орудие 1501 г.⁵

Четвертая и последняя, отмеченная летописями, партия прибыла в 1505 г. „из заморья“, и в числе „многих мастеров“ упоминаются и „пушечники“.⁶ Имена их не указаны, но ряд иностранных имен, главным образом, немецких, встречается все время в первой половине XVI в.:⁷ Николай Немчин,⁸ Иордан из Инспрука,⁹ Вальх¹⁰ и др., в середине XVI в. Кашпир Ганусов.¹¹

После Кашпира иностранные пушечные мастера долго не встречаются в Москве и их заменяет ряд русских с учеником Кашпира — Андреем Чоховым (Чеховым) во главе. Все названные мастера внесли в русское литейное дело современные им приемы, и к середине XVI в. русская артиллерия не уступала западно-европейской ни в технике, ни в орнаментике, ни в численности. Иностранцы, посещавшие „Московию“, с большой похвалой отзывались о русской артиллерии, указывая на ее значительность (Кобенцель),¹² и на овладение „московитами“ техники изготовления орудий по западным образцам (Барберини).¹³ Русский воевода XVI в. князь А. М. Курбский, участник казанского похода Грозного, указывает на большое число орудий в этом походе,¹⁴ а лицевые летописи очень охотно изображают их на своих батальных картинах-миниатюрах.¹⁵

Орудия не только изготовлялись в большом числе, но многие из них и орнаментировались. Описи Смоленска 1667—1671 и 1681 гг.

¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 219.

² Там же, т. XXIV, стр. 206.

³ Дополнение к Актам Историческим, т. V, № 51; т. VIII, № 88, т. IX, № 106.

⁴ ПСРЛ, т. XII, стр. 238.

⁵ См. ниже, стр. 24.

⁶ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 375.

⁷ Железнов В. Указатель мастеров русских и иноземцев горного, металлургического и оружейного дела и связанных с ними ремесла и производств, работавших в России до XVIII в., СПб., 1907 г.

⁸ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 418.

⁹ Бранденбург. Ук. соч., ч. 1, стр. 58.

¹⁰ Там же, стр. 58.

¹¹ Там же, стр. 58. Дополнение к Актам Историческим, т. V, № 51; т. VIII, № 88 и др.

¹² Иоанн Кобенцель. Письма о России в XVI в. ЖМНП, 1842 г., ч. 35, стр. 159.

¹³ Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. Рафаэль Барберини. Путешествие в Московию в 1565 г., СПб., 1843 г., стр. 34.

¹⁴ Курбский А. М. Сочинения ч. 1. СПб., 1914 г. — История о великом князе московском, стр. 184.

¹⁵ Лицевая Голицинская летопись XVI в. Гос. Публ. Библ. в Ленинграде.

ТАБЛИЦА I. Миниатюра XVI в., изображающая осаду Москвы татарами в 1451 г. (Голицинская летопись. Гос. Публич. Библиотека в Ленинграде).

описывают подробно свою артиллерию, и в ней часть орудий „старого-смоленского наряду“ орнаментирована и подписана.¹ Упомянутые выше миниатюры часто изображают орнамент на орудиях, правда, очень условно. Одно из таких изображений даем в нашей работе — изображен фриз на дульной части орудия, выставленного против отряда царевича Мазовши в 1451 г.² (цветная таблица I).

Общая характеристика орнаментики и эпиграфики русских орудий почти та же, что и для современных им западно-европейских. Скромный в начале орнамент становится все богаче и пышнее и также иногда переходит в сплошной ковровый узор.³ Краткие надписи с датой, именами заказчиков и мастера, становятся со временем более многословными и пышными, но надписей от лица самого орудия на русских пушках никогда не было. Названия орудий также связаны были с соответствующими изображениями на них — „Лев“, „Волк“, „Лисица“, „Сокол“, „Ящерица“ и др. Иногда названия орудий происходили от изображенного на них героя — „Царь“, „Ахиллес“, „Троил“, или от имени мастера — „Богдан“, „Кашпир“, „Тимофей“; под ними орудия были известны в военном обиходе и отмечались в описях.

В некоторых случаях при имени мастера отмечались преемственность („школа“): так Андрей Чохов (Чехов) указывает на первых работах, что он „ученик Кашпиров“, „Ваня да Васюк“ отмечают, что они „ученики Яковлевы“, „Пятой“ — „Богданов ученик“ и др. Кое-где отмечался при „мастере“ и „литец“; — последнее представляло также род „школы“ или фирмы и, как-бы гарантировало качество производства. В случае наличия двух одинаковых по имени мастеров, различие их отмечалось указанием на национальность или прозвищем — „Яков“ и „Яков Фрязин“. В одном случае Богдан на пушке, вылитой им в Литве по западным образцам, отметил при имени и свою национальность „Богдан русской мастер“.

В более позднее время, когда мастеров стало много, при их именах всегда указывали отчество и фамилию или прозвище.

Ограничившись этими краткими общими замечаниями, перейдем к изучению памятников по отдельным мастерам в хронологическом порядке.

Мы остановимся на ряде датированных и подписных русских орудий XV и первых 60 лет XVI вв., как дошедших до нас в оригиналах, так и известных нам только по летописям, старинным описям и чертежам. Все они заслуживают учета и изучения, как памятники русской культуры, техники военного дела, а при наличии орнаментации — и русского искусства. Они представляют работы следующих мастеров: Якова („русского“) и его учеников „Вани да Васюка“, Павла Дебосиса, Якова Фрязина, Петра Фрязина, Булгака Новгородова, Игнатия, Степана Петрова, Богдана, его ученика Пятого и, наконец, Кашпира Ганусова, учителя

¹ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51; т. VIII, № 88.

² ПСРЛ, т. XII, стр. 76, миниатюра из Голиц летописи (л. 727); текст к ней: „... гражане начаша пристрой градной готовити наутриа противу безбожных, пушки, вищали, самострелы, и оружия, и щиты, луки и стрелы, еже подобает к брани на противныя“.

³ Примеров не приводим, так как весь дальнейший текст является иллюстрацией этого; некоторые снимки см. Печенкин Н. Описание орудий, находящихся у здания Главного Артиллерийского Управления. СПб, 1905 г. таблица.

знаменитейшего русского пушечного мастера Андрея Чохова (Чехова).

Работами Кашпира мы закончим настоящий первый очерк, так как обзор деятельности Андрея Чохова и его учеников войдет во второй.

Указанные в нашем перечне мастера известны давно русской науке,² равно как и их работы, но орнаментике их орудий до сих пор не уделялось специального внимания.

К сожалению, никаких сведений ни об организации литейного производства, ни о бытовых условиях жизни и работы мастеров собрать не удалось и приходится ограничиться сейчас лишь перечнем и описанием их произведений.

Кроме подписных орудий названных мастеров мы отметим еще четыре орудия неизвестных мастеров, близких им по времени, и несколько орудий бывших в артиллерии Грозного во время похода в Казань в 1552 г. и оставленных им там в составе „городового наряда“.

II. Мастера XV в.

От XV в. до нас сохранились известия об орудиях литья пяти мастеров, из которых три русские — Яков, „Ваня да Васюк“, два иностранцы — Павел Дебосис и Яков Фрязин.

Наш обзор начнем с русских мастеров, которые составляют особую группу и предшествуют иноземцам. Главной этих русских литейщиков является Яков, может быть, ученик Аристотеля Фиораванти.

1. Русские мастера

Пищали Якова (1483, 1490, 1492 гг.). С именем Якова сохранилась до нас одна пищаль 1492 г.,³ а по старым документам мы знаем еще две датированные (1483 и 1490 гг.) и три недатированных, всего шесть орудий.

По сохранившемуся экземпляру 1492 г. можно получить ясное представление о наших древнейших литых орудьях. Они представляют гладкие стволы без цапф и дельфинов; на казенной части все они имеют надписи с именами мастера, заказчика и датой; вес их сравнительно невелик, равно как и длина.

Орнаменты в собственном смысле слова, т. е. узора, герба или изображения, они не имеют, но выступающие пояски-ребра на них, несомненно, выражают стремление „украшить“ гладкий ствол орудия; до некоторой степени украшением служат и надписи.

Пушка 1483 г. Древнейшим из известных нам датированных и подписных орудий, следует считать пищаль 1483 г., находившуюся в XVII в. в Смоленске и подробно описанную документами 1667—1671

¹ Н. Е. Бранденбург в своем „Историческом каталоге С.-Петербургского Артиллерийского Музея“ (ч. I, СПб., 1877 г., стр. 58) под 1525 г. помещает еще мастера Кондратия Михайлова, но последний относится к XVII в. и, может быть, к концу XVI — см. Лебединская А. П. О пушечном мастере XVII в. Кондратии Михайлове. — Настоящ. сборник.

² Мурзакевич, Сахаров, Хмыров, Бранденбург, Забелин и др.

³ Находится в Артиллерийском Историческом Музее и датируется обычно 1485 г. см. ниже, стр. 15, 16.

и 1681 г. Приведем это описание полностью: „Пищаль медная в станку на колесах, русского литья, длина два аршина, полтретья вершка. На ней подпись руским писмом:

„по велению благоверного и христолюбивого великого князя Ивана Василевича, государя всеа Руси сделана бысть сия пушка в лето шесть тысяч, девятьсот девяносто первого, месяца апреля, в два десятое лето господарства его; а делал Яков“. Весу 16 пуд.“¹

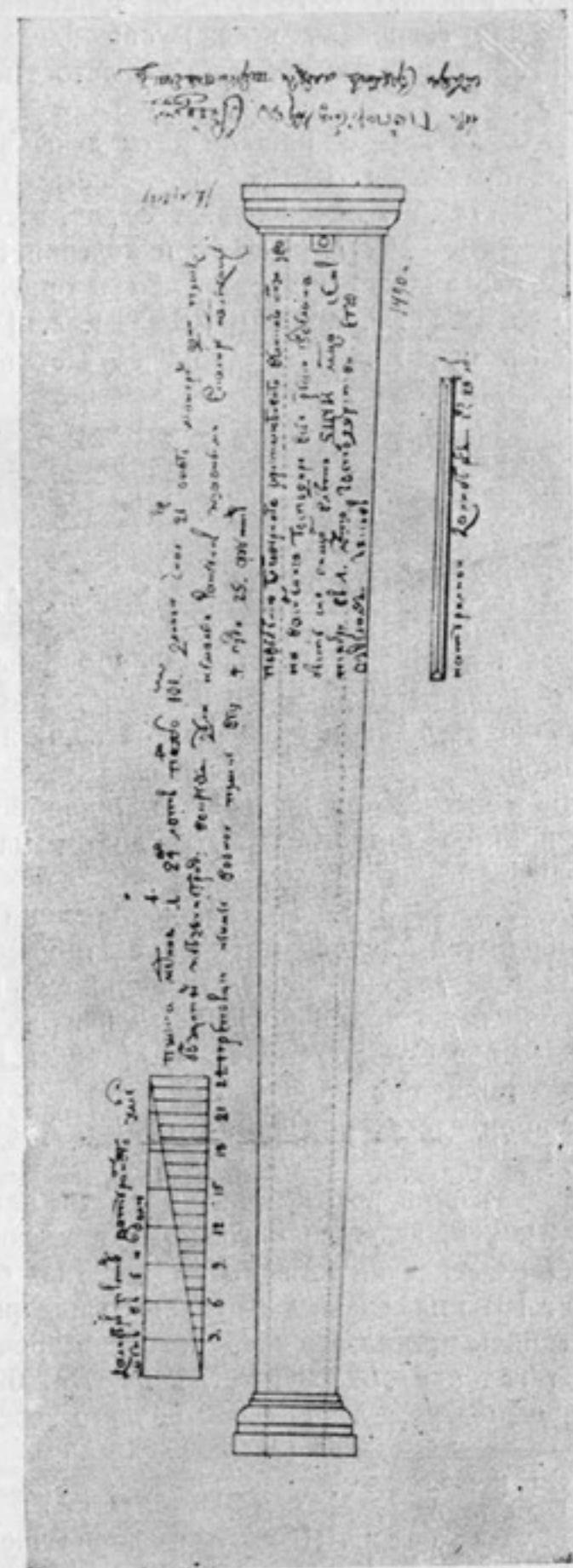
Пищаль 1490 (1492) г. Вторая пищаль 1492 г. находилась в XVIII в. в Оренбурге и известна нам по „ведомости“ и чертежу 1756 г., присланным при „репорте“ в 1757 г. в канцелярию „Главной Артиллерии и Фортификации“.²

Это орудие совпадает с дошедшим до нас орудием 1492 г. Длина — 21 калибр, вес — 4 п. 25 ф. (5 п. 25 ф.).

¹ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 334 (опись 1667—1671 гг.) там же, т. VIII, № 88, стр. 306 (опись 1681 г.); орудие упоминается у М. Д. Хмырова — Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси — „Артиллер. Журнал“, 1865 г. № 9, стр. 487.; у Н. Е. Бранденбурга — Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского Музея, ч. I, СПб., 1877 г., стр. 56.

Некоторое расхождение дат „1483“ и 20*-се лето „господарства“ вместо „21*-го (с 1462 г.) может объясняться неточным чтением даты в XVII в. переписчиком надписи.

² Архив Артиллерийского Исторического Музея. Дела сборные. Связка № 5840, № 21, лл. 58—65. Чертеж № 1. Дело упомянуто Н. Е. Бранденбургом. Ук. соч., т. I, стр. 56—57, прим. 19. О „репорте“ см. Лебединская А. П. „репорт“ 1757 г. о „достопамятных“ орудиях в Оренбургском округе. (Настоящий сборник).

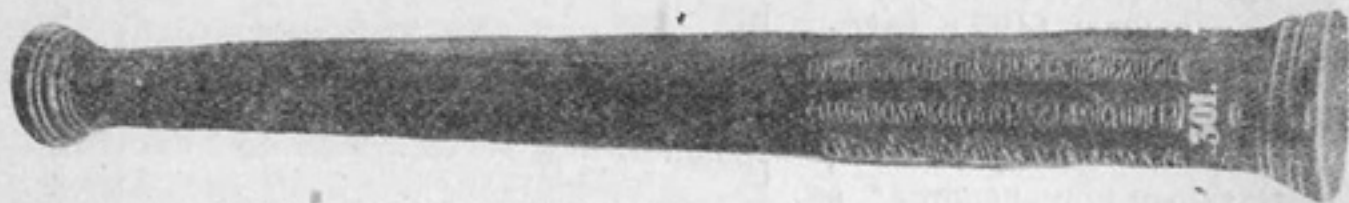
Фиг. 1. Пищаль Якова 1490 (1492) г. по чертежу 1756 г.

По чертежу на нем такие же пояски-ребра и такая же надпись на казенной части:

„По велению блговернаго христолюбиваго великаго князя Ивана Василевича господаря всеа Русии зделана бысть сия пищаль в лето СЦЧИ (6998) мца сентяб л (30) лето господарства его, а делал Иаков“ (фиг. 1).

Как и на первой пищали даты даны две — от сотворения мира и от начала правления Ивана III, — здесь они не совсем совпадают — „6998“ — 1490 г. не совпадает с „л“, т. е. 30-м годом „господарства“, если считать 1462 г. началом правления Ивана III.¹

Где-то ошибка. Думается, что в оригинале стояло в дате „i“, а не „и“, что давало „6990“ и „10“, т. е. 1492, как это имеем на сохранившемся экземпляре. В таком случае лицо, списавшее подпись вместо

Фиг. 2. Пищаль Якова 1492, 1485 гг. (Артиллер. Историч. Музей).

„i“ „десятиричного“ поставило „и“ „восьмиричное“, отчего и произошла ошибка в дате. Если наше предположение верно, то и пищаль относится к „1492 г.“² и является парной к сохранившейся, если не той же самой.

При чертеже орудия имеется подробное описание его, а в „ведомости“ краткое с примечанием „достопамятная“ и с отметкой в графе „негодных“

Пищаль 1492 г. Третье по времени из подписных и древнейшее сохранившееся литое подписное орудие — работы Якова относится к 1492 г. и находится в Артиллерийском Историческом Музее (фиг. 2). Найдено было оно в Нерчинске и в 30-х гг. прошлого столетия находилось в С.-Петербургском Арсенале.³

Оно вылито из бронзы, без цапф и дельфинов, украшено на дульной и казенной частях поясками-ребрами. Длина 1 арш. 15 верш., вес 4 п. 26 ф.⁴

На казенной части имеется литая надпись вязью в четыре строки (фиг. 3): „По велению блговернаг и холюбваг великаг князя Ивана Васильевича госпдаря всеа роуси зделана быс сия пищаль в лет СЦЧИ (6990 г.10) мца сентяб л (30) лет господарства его а делал Яков“.

Надпись проста, но затруднение встречается в датировке: обычно все читают год как „6993“ — „СЦЧГ“ т. е. 6993—1485, чему противоречит следующая дата, „л“ т. е. 30-ое лето „господарства“, заказчика, дающее

¹ См. ниже.¹

² По сентябрьскому счету.

³ Мурзакевич Н. Ук. соч. О пушечном литейном искусстве в России. ЖМНП 1838, т. X, № 9; оттиск, стр. 6—8; факсимиле надписи и рисунок орудия на отдельной таблице; из последних дореволюционных изданий у Бартенева С. П. („Московский Кремль в старину и теперь“. М, т. I, 1912 г. стр. 41, рис. 42); рисунок неудачен, так как надпись опрокинута.

⁴ Бранденбург Н. Е. Ук. соч., т. I, стр. 105—107.

„7000“ — т. е. 1492 г., что рвняется действительно 30-му г., считая с 1462 г. Последнее расхождение отметил еще Н. Мурзакевич, который сто лет назад датировал пушку 1492 г., хотя в транскрипции надписи дал „6993“ — 1485 г.¹ В последнее время на это же расхождение в дате указал и академик А. С. Орлов и дал для орудия двойную дату „1485 или 1492 г.“²

Тщательное изучение надписи в оригинале показывает определенно после „Ч“ „i“ и „точку“, т. е. „i“^[10], а не „г“^[3]. Таким образом получается чтение „СЦЧ[i]i“, т. е. „6990“ и „10“, иначе „7000“ или „1492 г.“

Такое обозначение десятков смущать не должно — оно встречается в редких, правда, случаях. Так, академик Е. Ф. Карский указывает его

Фиг. 3. Пищаль Якова 1492 (1485) г. Надпись.

в Развивилловской летописи,³ имеется оно и в Псалтири 1568 г., напечатанной в Москве.⁴

Считаем в дальнейшем обязательной датой для орудия „1492“ г.⁵, что не меняет его значения древнейшего сохранившегося подписного и датированного памятника русского литейно-пушечного дела. Косвенно „нашу дату“ „1492“ г. поддерживают даты орудия „Вани да Васюка“ — „1491“ г., т. е. „29“-го года „господарства“ Ивана III.⁶

Пищали недатированные. Кроме описания трех датированных пищалей сохранилось описание трех недатированных. В смоленских описях 1667—1671 гг. и 1681 г. встречаем два орудия, в описи Киевского наряда 1677 г. — одно-тюфяк. Все они одинаковы и различаются лишь весом и длиной.

Описаны так:

1. „Пищаль медная, руского литья, дробовая в ложе на козле, длина полтара аршина с двумя вершки, старого Смоленского наряду.“

¹ Мурзакевич Н. Ук. соч., стр. 7—8.

² Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л. 1936, стр. 133—134, № ССXL.

³ Карский Е. Ф. Славянская Крилловская палеография. Л. 1928, стр. 217.

⁴ Экземпляр Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде — число 30 — обозначено „ki“, т. е. 20+10; число 31 обычно \wedge а.

⁵ По сентябрьскому счету.

⁶ См. ниже.

На ней подпись руским писмом: „князь великий Иван Васильевич государь всеа Русии, делал Яков“, году не написано. Весу 5 пуд.“¹

2. Такая же, но длина „2 аршина без полутора вершка.“²

3. „Тюфяк медной, мерою 2 аршина без полуста вершка, на нем вылита подпись: „Князь великий Иванъ Васильевичъ, государь всеа Русии. Делал Яков“. Весу в нем 3 пуда 20 гривенок.“³

Был ли Яков учеником Аристотеля Фиораванти неизвестно, но сравнение орудий его работы с современными итальянскими указывает на их взаимную близость.⁴

Во всяком случае, он был крупным мастером, школой которого гордились его⁵ ученики „Ваня да Васюк“, отметив это на своем орудии.

Пищаль „Вани да Васюка“ (1491 г.). Пищаль 1491 г., отлитая, учениками Якова „Ваней да Васюком“, относится к той же серии древнейших орудий. Находилась она в 1756 г. вместе с пищалью Якова 1490 г. (1492) в Оренбурге, и сведения о ней вместе с чертежом находятся в той же „ведомости“ 1757 г.⁶

¹ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 300.

² Там же, стр. 301; т. VIII, № 88, стр. 304.

³ Там же, т. VII, № 28. Акты, относящиеся до укреплений Киева 1677 г., стр. 166.

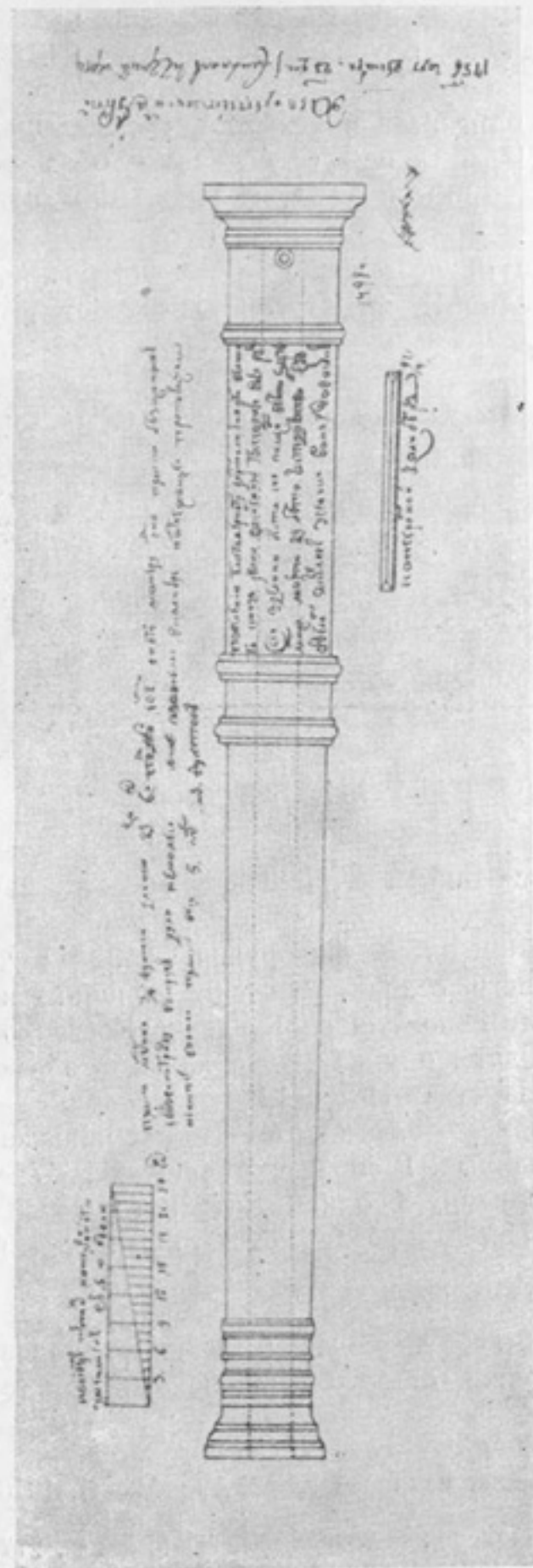
⁴ В „Описи“ Пскова 1678 г. (Доп. к Актам Историческим, т. IX, стр. 308) указывается между другими „пищаль медная, верховая, Якуб (Яков) на волоках псковская“, но литья какого Якова — сказать нельзя.

⁵ Мурзакевич Н. Ук. соч., стр. 7.

⁶ Считаем, что „Ваня да Васюк“ не могли быть учениками

Якова Фрязина, который приехал в Москву только в 1490 г.

⁶ Архив АИМ. Дела XVIII в. сборные, связка № 5840, № 21, лл. 58—66; дело использовано еще в 1870-х гг. Н. Е. Бранденбургом, который ввел это

Фиг. 4. Пищаль „Вани да Васюка“ по чертежу 1756 г.

ТАБЛИЦА II. Миниатюра XVI в., изображающая отливку Дебосисом „царь-пушки“ в 1488 г. (Голицинская летопись. Гос. Публич. Библиотека в Ленинграде).

По чертежу она представляет шаг вперед в отношении орнаментации: число поясков-ребер, украшающих ее, увеличено на дульной и казенной частях и прибавлены новые на средней части. По размеру она невелика (5 пуд. 26 фун.) и приближается к орудиям Якова 1492 г. На казенной части вылита надпись того же типа, что и на орудиях Якова.

„По велению благоверного хрстолюбиваго великаго князя Ивана василевича господаря всея руссии зделана бысть сия пищаль в лето СЦЧѠ [6999] мца марта 29 лета господарства его а делал (и) Яковлевы ученики Ваня да Васюк“.

На фиг. 4 имеется подробное описание орудия, в „ведомости“ — краткое, с отметкой „достопамятная“; помещено оно также в графе „негодных“.

„Ваня да Васюк“ несомненно русские мастера и относятся вместе с их учителем к пионерам нового дела. У Якова „Фрязина“ они не могли научиться, так как он приехал в Москву только в 1490 г.

В эту же группу трех русских мастеров конца XV в. следует отнести и четвертого мастера Федора — „Федьку-пушечника“, слившего в 1487—1488 г. (6996) колокол в Боровской Пафнугьевский монастырь.¹

2. Иноземные мастера конца XV в.

Из иноземных мастеров только с именами Дебосиса и Якова Фрязина памятники связывают определенные орудия, из которых ни одно не дошло до нас.

Пушки Павла Дебосиса (1488 г.). С именем иноземца Павла Дебосиса летопись связывает два орудия — две большие пушки, отлитые им в пушечной избе в Москве в 80-х гг. XV ст.

В 1488 г. „слил Павлин Фрязин Дебосис пушку велику“,² которая впоследствии носила название „Царь-пушки“.³

Называлась ли она так по причине особенно больших размеров или по изображению на орудии какого-нибудь „царя“, вроде пушек Чохова: 1586 г. „царь-пушка“ и 1617 г. „царь-Ахиллес“ с изображениями царя Феодора и царя „Ахиллеса“⁴ сказать нельзя.

В Голицинской лицевой летописи помещена миниатюра, изображающая это событие. На ней мы видим группу лиц, стоящих около орудия. Мастер Дебосис отличается от других своим костюмом (цветная табл. II).

орудие и этих мастеров в научный оборот — „Исторический каталог“, ч. I, стр. 57. О „ведомости“ см. Лебедянская А. П. „Репорт“ 1757 г., настоящий сборник.

¹ Орлов А. С., акад. Библиография русских надписей XI—XV вв., М.—Л. 1936 г., стр. 136, № ССXLIV относит его к 1487; другие к 1488 г. — Леонид, архим. Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнугьева монастыря (Калужской губ.). Изд. 2. Калуга 1894 г., стр. 74; Макарий, архим. Указания на церковные древности в некоторых епархиях — „Известия Археологич. Общества“, т. VI, стр. 30, и др.

² Полное собрание Русск. Летописей, т. XII, стр. 219.

³ Мурзакевич Н. Ук. соч., стр. 5—6; Бранденбург Н. Е. Ук. соч., т. I, стр. 57.

⁴ Печенкин Н. Описание орудий, находящихся у здания Главного Артиллерийского Управления. С.-Петербург 1905, стр. II нен. табл. То же, Бранденбург. Ук. соч., ч. I, стр. 113, № X.

Второй раз пушка Дебосиса упоминается летописью под 1563 г. при осаде Полоцка, когда Грозный „велел поставить блиско городских ворот на пожженном месте пушки болшие Кашпирову, да Степанову, да Павлик, да Орел и Медведь и весь наряд стеной и верхней“.¹ Пушка „Павлик“, — вероятно, работа Дебосиса.

Когда и откуда прибыл Дебосис в Москву и как долго работал в ней — точно не знаем.

Пищали Якова „Фрязина“ (1498—1500 гг.). Следующими идут работы итальянского пушечника Якова Фрязина. Прибыл он в Москву в 1490 г. со второй партией иностранных специалистов.² Сколько лет жил в Москве установить не удалось, но работал много — орудия его работы встречаются по описям часто в Смоленске и раз в Одоеве.

Оригиналов до нас не дошло, но описаны орудия довольно подробно, и мы можем восстановить приблизительно их облик, близкий к орудиям Якова и его учеников.

Все известные нам орудия делятся на две группы: датированные и недатированные. Орнамента на них не упоминается, но надписи с именем мастера и титулом заказчика имеются на всех. Вес их колеблется от 2 до 5 пудов, длина от 2 арш. без вершка до 2 аршин; калибр полгривенки и полторы гривенки.

Нам удалось отыскать известия о 15 орудиях, из которых 14 находились в конце XVII в. в Смоленске и одно в Одоеве. Датируются они следующими годами: пять — 1498 г., семь — 1499 г., одно — 1500 г., два — не имеют даты.

Пищали 1498 г. „Пищаль медная, в ложе, ядром полгривенки, длина 2 арш. без вершка, старого смоленского наряду; подпись руским писмом: „Иоан божиею милостию Государь всеа Русии, в лето семь тысяч шестого, делал Яков Фрязин“. Весу 4 пуда“.³

Из остальных орудий этого рода три находились в Смоленске,⁴ одно в Одоеве.⁵

Пищали 1499 г. Семь пищалей, все в Смоленске, почти все одинаковы. „Пищаль медная в ложе, русского литья, ядром полторы гривенки, длина 2 аршина без полувершка, старого смоленского наряду; на ней подпись руским писмом: „Иоан божиею милостию Государь всеа Русии в лето семь тысяч седьмого, делал Яков Фрязин“. Весу 5 пуд с деревом“.⁶

К этому же году относится еще одна пищаль с такой же надписью, но без имени мастера.⁷

Пищали 1500 г. Одна пищаль в Смоленске; описана вместе с двумя другими — 1498 и 1499 гг.

„Три пищали медные, в ложах на козлах, ядром по полу гривенки; одной длина 2 аршина без вершка, а две по 2 аршина без полувершка. Подпись руским писмом“. „Иоан божиею милостию государь всеа Русии“. Одна: „в лето семь тысяч шестого“. Другая: „семь тысяч седь-

мого“. Третья: „семь тысяч осмого“. На всех: „делал Яков Фрязин“. Весу в одной 3 пуда, в другой 4 пуда 10 гривенок, в третьей — 4 пуда 10 гривенок“.¹

Пищали без дат. В Смоленске: „Две пищали медные русского литья, в ложах на козлах, ядром по полу гривенки, длина по 2 аршина без вершка, старого смоленского наряду. На них подпись руским писмом: Иоан божиею милостию государь всеа Русии, делал Яков Фрязин“. Весу по 8 пуд с деревом“.²

III. Мастера XVI в. (первой половины)

В XVI в. число пушечных мастеров значительно увеличивается: вырастают и свои русские кадры, приглашаются попрежнему и иноземцы. Все они работают одновременно и делить их на группы, как мастеров конца XV в., не приходится. Далеко не о всех известных нам мастерах сохранились указания в летописях и описях „наряда“ разных городов, но сохранились образцы их работ.

Таких имен удалось набрать за первые 60 лет XVI в. только семь — именно: Петр (Фрязин) (1501 г.), Булгак Новгородов (1513 г.), Игнатий (1542 г.), Степан Петров (1553 г.), Богдан „русской мастер“ (1550-ые—1560-ые гг.), его ученик Пятой (1550-ые—1560-ые гг.) и, наконец, Кашпир Ганусов (1550-ые—1560-ые гг.).

Пищаль „Петра“ (1501 г.). С именем мастера Петра известно одно орудие, упоминаемое в „Описи“ смоленской артиллерии. Оно помечено 1501 г., не имеет орнамента, а только надпись и дату. Описано так: „Пищаль медная русского литья, в станку на колесах, ядром 5 гривенок, длина 4 аршина без полувершка, старого смоленского наряду. Подпись руским писмом: „Иоан божиею милостию государь всеа Русии и великий князь; делал Петр, семь тысяч девятого“.³

Мастер Петр, вероятно, тот самый „Петр-пушечник“, который вместе с Алевизом и другими мастерами в 1494 г. приехал в Москву из Италии с посольством Эммануила Ангела и Данилы Мамырева.⁴

Из его работ в Москве известен еще колокол в 350 пудов, отлитый им в 1503 г.⁵

Пищаль Булгака Новгородова (1513 г.). Из работ Булгака Новгородова известно одно орудие в „описях“ Смоленской артиллерии. Оно имеет надпись, дату и имя мастера и принадлежит к большим орудиям. Описано следующим образом, к сожалению, с пропуском:

„Пищаль медная, гранатная болшая, без станку и без колес, русского литья, длина 2 аршина с полоторым вершком. На ней подпись руским писмом: „Василия, божиею милостию Государя и Самодержца всеа Русии и великого князя повелением слита бысть сия пушка в преименитом в славнома граде Москве, в лето семь тысяч двадцать

¹ Полн. собр. Русск. летоп., т. XIII (2), стр. 356.

² Полн. собр. русск. летоп. т. XX, ч. I, стр. 354; т. XXIV, стр. 206 и др.

³ Доп. к Актам. Историческим, т. V, № 51, стр. 296; т. VIII, № 88 стр., 301.

⁴ Там же, т. V, стр. 296, 301, 308; т. VIII, стр. 301, 304, 309.

⁵ Там же, т. IX, № 106, стр. 234.

⁶ Там же, т. V, стр. 297, 299, 300, 301, 308, т. VIII, № 88, стр. 301, 303, 309.

⁷ См. ниже.

¹ Доп. к Актам Историческим, т. V, стр. 308; т. VIII, стр. 309.

² Там же, т. V, стр. 298; т. VIII, стр. 302.

³ Там же, т. V, стр. 297; т. VIII, стр. 302.

⁴ ПСРЛ т. XII, стр. 238; Железнов В. Указатель Цитир. соч., стр. 44, № 901.

⁵ Снегирев И. Памятники Московской древности. М. 1842—1845 гг. стр. 110.

перваго мая въ 8 день, господарства его....., делал Булгак Ноугородов". Весу 83 пуда.¹

Имя этого мастера известно давно в литературе,² но сведений о нем никаких пока не имеем.

После Булгака Новгородова идет перерыв почти в 30 лет, и следующее датированное подписное орудие относится к 1542 г.

Гаубица „Игнатия“ [1542 (1543) г.] Гаубица (гафуница) 1542 г. (фиг. 5—10) является вторым³ по древности сохранившимся до нас памятником пушечно-литейного производства, по конструкции „единственным образцом древних гафуниц“,⁴ а по орнаментике исключительным памятником древнерусского искусства. Находится гаубица в Артиллерийском Историческом Музее.

Известна она в русской науке с 30 гг. прошлого столетия,⁵ но более подробно описана впервые Н. Е. Бранденбургом в 1877 г.⁶

Фиг. 5. Гаубица 1542 (1543) г. „Игнатия“. Общий вид. (Артилл. Историч. Музей.)

Она представляет небольшое орудие древнейшей системы без цапф и без дельфинов, отлита из прекрасной бронзы, заряжается с дула. Весь ствол украшен пышным орнаментом, а середина занята литой подписью в четыре строки, содержащей дату, имя мастера и титул заказчика (фиг. 5):

„Иоан бжиею млстию
гль всея роуси
в лето ЗН [7050] А делал
Игнатей“. (фиг. 6)

Обычно дату читают как „ЗН“, т. е. „7050“ или „1542“ г., а букву „А“ относят к слову делал, т. е. „а делал“. Возможно и другое чтение даты — „ЗНА“, т. е. „7051“ или „1543“ г. и тогда следующим словом будет „делал“ без „а“.

¹ Доп. к Актам Историческим, т. V, стр. 304; т. VIII, стр. 307.

² Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси. — Арт. Журнал. 1865 г., № 9, стр. 494; Бранденбург. Ук. соч., ч. I, стр. 58 и др.

³ Первым является пищаль Якова 1492 г., см. выше.

⁴ Бранденбург Н. Е. Ук. соч., ч. I, стр. 139, № LXII.

⁵ Мурзакевич. Ук. соч., стр. 9, № 1.

⁶ Бранденбург. Ук. соч., ч. I, стр. 139, № LXII; рисунок с гаубицы имеется у А. Якимовича: „Орудие артиллерийское“. — Энциклоп. слов. Брокгауз и Эфрон, т. XXII(43), 1897 г., табл. 11. То же, у Струкова Д. П. Главное Артиллерийское Управление. „Столетие Военного Министерства“, т. VI, 1902 г., табл. за стр. 32 и др.

Кроме этой подписи на казенной части в более позднее время начеканена другая, указывающая вес орудия: „весу 5 пуд л гривенок“, т. е. 6 п. 30 ф. (фиг. 7).

Орнамент покрывает весь ствол орудия и представляет пять фриз из повторяющихся пышных растительных узоров и изображения букета,

Фиг. 6. Гаубица. Надпись.

вазы, „ъва (?), веток, двух венков (один в другом) и двух парных олений на дульной части. Кроме орнаментальных фриз по всему стволу проходит ряд поясков-ребер, жгутовые пояски и два прорезных (ажурных) широких пояса на казенной и дульной частях. Вся орнаментика в целом и в отдельных частях типична для эпохи Возрождения¹ (см. фиг. 5—10).

Фиг. 7. Гаубица. Орнаментика казенной части.

Разбор начнем с орнаментальных фриз. Расположены они очень эффектно — идут от казенной части к дульной, постепенно нарастая в ширину.

¹ Hirth, Georges. Album de la Renaissance, Leipzig—Bruxelles—Paris; Butsch. Die Bücher Ornamentik der Renaissance, Leipzig, 1872.

Первый сравнительно узкий фриз находится на казенной части и представлен листьями аканфа; он окаймлен поясками-ребрами с одной стороны и жгутовым пояском с другой (фиг. 7). Мотив листьев аканфа обычен в графике этого времени.¹

Второй фриз, более широкий, украшает также казенную часть и представляет повторяющиеся клейма пышного орнамента растительного характера — ветви, выходящие из одного основания на обе стороны (фиг. 7), — мотив также типичный для этого времени.²

Третий фриз еще шире, он расположен на дульной части и представляет двойной фриз: из только что описанного и второго — из своеобразно стилизованных не то маскарон, не то растений и таких же

Фиг. 8. Гаубица. Орнамента дульной части.

стилизованных дельфинов.³ Весь этот фриз отделяется от дульной части узеньким фризом из трилистников,⁴ окаймленным в свою очередь жгутовыми поясками (фиг. 8).

Четвертый и пятый фризы обрамляют надпись.

Кроме описанных орнаментальных фризов на дульной и казенной частях имеются прорезные (ажурные) фризы, украшенные линейным орнаментом в виде четырехугольников с точкой внутри (см. фиг. 5—10).

Все эти фризы подводят нас к главному орнаменту в дульной части — пышному венку (фиг. 8), перевязанному лентами, спускающимися вниз по стволу с обеих сторон и образующими своеобразные арки (фиг. 9). В середине венка расположен второй венок меньших размеров (фиг. 8).

Такие прорезные фризы встречаются часто на орудиях этого времени.⁵

¹ Hirth Georges. Ук. соч., табл. 24, 43, 83, 200, 207 и др. Quellen.... табл. CXIII—CXIV и др.

² Hirth. Ук. соч., табл. 3, 37, 38 и др.; Butsch, Ук. соч., табл. 7, 10, 16 и др.

³ Hirth. Ук. соч., табл. 29, 30, 68, 175, 200 и др.; Butsch. Ук. соч., табл. 7, 9 и др.

⁴ Точно такой же фриз из трилистников имеется на бронзовом литом наморднике немецкой работы XVI в. в Рыцарском зале Гос. Эрмитажа. (М.—230.)

⁵ Quellen..... табл. CXI—CXII (1520—1530 гг.), CXVI—CXVII (1526) и др.

В арках из лент с обеих сторон венка помещено по изображению оленя. Последний представлен очень реально: поднятой левой задней ногой он трет свою морду, наклоненную вниз (фиг. 9).

Этими фризами и изображениями венков и оленей орнамент не ограничивается, — он обрамляет и всю надпись на средней части ору-

Фиг. 9. Гаубица. Изображение оленя на дульной части.

дия. Сверху и снизу надписи орнамент расположен в два фриза и представляет пышные букеты по четыре в каждом; букеты отделяются от надписи жгутовым пояском, из которого как будто и вырастают (фиг. 10).

Фиг. 10. Гаубица. Орнаментика надписи.

Кроме этих фризов с букетами орнаментом заполнены и все свободные места в строках, а именно: в начале первой строки маленькая ветка, в начале второй животное (лев?) и широкая двуручная ваза

с цветами в конце, в третьей в начале стилизованная ветка, в конце крупная точка — розетка, в четвертой в начале такая же ветка и в конце букет типа верхнего и нижнего поясков (см. фиг. 6).

Такова в целом орнаментика нашего орудия, исключительная по богатству и разнообразию своих узоров.

Отдельные элементы растительного орнамента — ветви, букеты, вазы, маскароны и дельфины — типичны для разнообразного и пышного орнамента эпохи Возрождения и находятся в тех или иных сочетаниях на самых разнообразных предметах этого времени, — посуде, оружии, тканях и в графике книжных украшений.¹

Руководящими элементами для сравнительного изучения нашей орнаментики служат изображения оленей и венка.

Начнем с первого. Здесь мы имеем почти полное тождество наших изображений с таковым же на гравюре Луки Кранаха на титульном листе одного из сочинений Мартина Лютера, изданном в 1527 г. в Виттемберге² (фиг. 11).

Различие в том, что у русского оленя голова опущена значительно ниже, чем у немецкого, благодаря чему все изображение более стройно и вытянуто вверх соответственно своду арки из лент, в котором оно помещается. Совпадение изображений, думается, не случайное — повидимому, были образцы рисунков, которыми пользовался русский художник при составлении эскиза для орнаментики орудия.

Мотив „олень“, давно и широко распространен в немецком искусстве: так, мы имеем изображение оленя на печати графа Людвиг II Эттингенского (1160—1220 гг.,³ на резных дверях конца XV и начала XVI вв. в замке Hohentübingen)⁴, изображения оленей на немецкой пушке 1506 г. „Der Drache von Hall“,⁵ олени и венок имеются на револьском кессельфлинте XVI в.,⁶ на наморднике XVI в.⁷ и др.⁸

Перейдем к изображению „венков“. Они, как и олень, часто встречаются в немецком искусстве вообще⁹ и на орудиях — в частности: например, на упомянутом револьском кессельфлинте XVI в.,¹⁰ на немецких латах 1547 г.,¹¹ на немецкой пушке 1529 г.¹², на польской 1541 г.¹³

На нашей гаубице пустое пространство внутри венка, предназначенное в оригинале для какого-нибудь герба, русский художник заполнил вторым венком меньших размеров.

Таковы центральные изображения в орнаментике нашей гаубицы. Связь ее с западно-европейскими орнаментальными формами эпохи Воз-

рождения вообще и немецкой передачи их, в частности, несомненна. В Москве обращались какие-то западно-европейские альбомы образцов рисунков. На один из таких альбомов указывал П. Н. Берков, именно

Фиг. 11. Гравюра Луки Кранаха (1527). Олени и ехидны на книгу с образцами, изданную крупнейшим немецким теоретиком граверного искусства в первой половине XVI в. Эдгардом Шеном

¹ Hirth, Georges. Ук. соч.; Bütsch, Ук. соч.

² Bütsch, Ук. соч., табл. 93.

³ Винклер П. Русская геральдика. Вып. I. СПб., 1892, стр. 3.

⁴ Heideloff, Carl. Les ornements du moyen age. Nürnberg, V. II. H. VII. табл. 6.

⁵ Quellen табл. 1С, стр. 59.

⁶ Бранденбург. Ук. соч., ч. III, стр. 67—68, № 91.

⁷ Рыцарский зал Гос. Эрмитажа, М. 230.

⁸ Hirth, Georges, Ук. соч., табл. 4.

⁹ Hirth, Georges. Ук. соч., табл. 3; Bütsch, Ук. соч., табл. 7, 19, 22 и др.

¹⁰ Бранденбург Н. Е. Ук. соч., ч. III, № 9, стр. 68.

¹¹ Струков Д. П. Путеводитель по Артиллерийскому Историческому музею, С.-Петербург, 1912 г., стр. 77, № 490.

¹² Quellen табл. CXIII—CXIV.

¹³ Бранденбург Н. Е. Ук. соч., т. III, № 5.

в 1534 г.¹ Несколько позже в Цюрихе в 1549 г. изданы образцы рисунков Петром Флетнером (Peter Flöthner).

Барберини, посетивший Москву в 1565 г. и интересовавшийся развитием техники у „москвитов“, отмечает с одной стороны, что они овладели техникой литья орудий по западным образцам,² а с другой — в числе предметов, намеченных к посылке в Москву, помещает „тетрадь рисунков с листьями, арабесками и т. п.“³

С 1530-х гг. итальянское воздействие конца XV в. на русское искусство ослабевает и уступает место немецкому.⁴ Последнее усиливается в связи с распространением в Западной Европе реформации, которая выбросила на русский рынок множество предметов культа, о чем рассказывает немецкий авантюрист Генрих Штаден, служивший в опрочине Грозного.⁵ Немецкие образцы не воспринимались слепо русскими художниками, но подвергались своеобразной переработке, как это мы видели на изображениях оленя и венка.

Кто составлял, рисунок орнаментики орудия, русский или иностранный художник, сказать сейчас нельзя, как нельзя сказать, кто был и сам Игнатий.⁶ Вопрос об иностранных и русских специалистах в Москве в начале XVI в. еще мало освещен, и о ряде лиц мы не имеем никаких сведений, кроме имен.

Пищаль „Левик“ Степана Петрова (1553 г.). Следующим пушечным мастером, орудия которого описаны старыми документами, является Степан Петров, имя которого известно давно русской науке.⁷

Ему обязаны два больших орудия: одно, под названием „Левик“, отмечают описи смоленского наряда, другое, без названия, указывает летопись.

Первое описано так: „Пищаль медная, прозвание ей „Левик“ в станку на колесах, ядром 16 гривенок, длина 6 аршин без вершка, старого смоленского наряда. Подпись у казны руским писмом: „Божию милостию, погелением царя и великого князя Иоана Васильевича, государя всеа Руси. Сделана сия пищаль семь тысяч шестьдесят первого лета, месяца марта, делал Степан Петров“. Назади за казною вылит левик. Весу 145 пуд.“⁸

Изображение льва, как символа мощи и страха, часто встречается на орудиях и раньше⁹ и позже.¹⁰ Пищали „Левик“, но неизвестно, чьей

работы, имелись во Пскове в XVII в.¹, пищаль „Львова голова“ — в Великих Луках,² в Казани.³

Второе орудие отмечено летописью именем мастера при перечне больших орудий, взятых Грозным к Полоцку — „Стефанова“.⁴ Она отмечена несколько дальше, как „ушатая“.⁵

Пищали „Богдана“ (1550-ые—1560-ые гг.). С именем Богдана удалось собрать 18 пищалей. Из них одна, 1563 г., является третьим из древнейших подписных орудий, сохранившихся до наших дней, и находится в Ленинграде;⁶ остальные известны по описям XVII и XVIII вв. артиллерийских нарядов в разных городах. Все эти орудия имеют надпись — имя мастера, три из них — дату (1554, 1563 и 1566 гг.), а два, кроме того, — гербы, орнамент и узорные торели. Соответственно этим признакам мы разобьем их на три группы: с орнаментом и датой, с датой и с одним именем. Описание начнем с первой наиболее характерной группы.

Пищаль 1554 г. „Пищаль медная литовского литья, прозвание ей „Делок“, в станку, на колесах, ядром 19 гривенок, длина 5 аршин без 11 вершков; на ней у казны герб, а в гербе рыба с коруною, повыше герба подпись по латине „тысяча пять соть пятьдесят четвертого“, на ней же уши, по обе стороны ушей и у дула травы, меж ушей и трав подпись руским писмом: „Руской мастеръ Богданъ“, за казною глава звериная, во рту глава человеческая. Весу ей не написано, к ней 100 ядер“.⁷

Орудие это в 1669—1671 и в 1681 гг. находилось в Смоленске вместе с рядом других орудий его же работы. По оформлению это типичное западно-европейское орудие с гербом, надписью, дельфинами, травами, со скульптурными торелью и винградом.⁸ Герба заказчика определить не удалось.⁹ С подобным же гербом, но без имени мастера имелось в Смоленске еще одно орудие 1534 г.¹⁰

Пищаль 1563 г. (фиг. 12). Пищаль известна русской науке с 1838 г. и сохранилась до нашего времени в Ленинграде.¹¹ Она представляет обычный тип орудия середины XVI в. с датой, надписью имени мастера и заказчика и государственным гербом — двуглавым орлом старого образца (без скипетра и державы). Герб вылит посередине на казенной

¹ Дополн. к Актам Историческим, т. IX, № 106, стр. 307, 308.

² Там же, стр. 310.

³ Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Писцовые книги города Казани... (1565—1568 гг.). Л., 1932 г., стр. 2.

⁴ Полн. собр. Русск. летописи, т. XIII (2), стр. 356.

⁵ Там же, стр. 357.

⁶ На пр. Володарского у здания Артилл. Техн. Школы, бывшего здания Главного Артиллерийского Управления. Печенкин, Ук. соч., стр. 14, № 7.

⁷ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 295; т. VIII, № 88, стр. 301.

⁸ Quellen... табл. CXIII—CXIV (1523 г.) CXV (1523) и др.; львиная голова с человеческой фигурой в пасти имеется на рижской пушке 1581 г. — Бранденбург. Ук. соч., ч. III, № 48, стр. 39.

⁹ Слишком мало данных для определения рода, которому принадлежит герб; „рыба“ в гербе, по словам В. К. Лукомского, употреблялась рядом польско-литовских дворянских семей.

¹⁰ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 300; т. VIII, № 88, стр. 303.

¹¹ Мурзакевич Н. Ук. соч., стр. 9, № 2; Бранденбург. Ук. соч., ч. I, стр. 137, № LIX; Печенкин Н. Ук. соч., стр. 14, № 7.

¹ Орлов А. С., акад. К вопросу о начале печатания в Москве, Юбилейный Сборник „Иван Федоров первопечатник“ М. — Л., 1935 г., стр. 23. Примечание 2.

² Любич-Романович, В. Ук. соч., стр. 34.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Некрасов А. И. Первопечатная русская гравюра, Юбилейный Сборник „Иван Федоров первопечатник“ М. — Л., 1935 г., стр. 74, 75.

⁵ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опрочника. 1925 г., стр. 63.

⁶ Хмыров М. Д. Металлы, металлические изделия и минералы древней России. СПб., 1875 г., стр. 143, называет его Игнатием „Игнатьевым“.

⁷ Хмыров. Артиллерия, стр. 503; Бранденбург. Ук. соч., ч. I, стр. 58.

⁸ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 301; т. VIII, № 88, стр. 304.

⁹ Quellen... табл. XLV—XLVI, LXX—LXXI, CXV и др.

¹⁰ Бранденбург. Ук. соч., ч. I, стр. 110, № VI; ч. III, стр. 64—65, № 87, 88 и др.

части, ниже его — имя мастера „Богдан“. Выше, вязью дата и титул заказчика: „Ион. Бжиею млстию. црь и великий кнзь, гсдрь всея русии в лето 30А“, т. е. „7071“ или „1563“ г.

Торель обработана в виде розетки, на стволе имеются пояски-ребра. Орудие найдено при распашке земли в бывшей Виленской губернии в деревне Побарах в 1805 г. вместе с двумя польскими гаубицами 1506 и 1562 гг.¹ Всего 48 пудов.

Пищали 1566, 1567 и 1568 гг. Следующие три датированные пищали известны нам по описям XVII в. в Холмогорах (1566 г.), в Архангельске (1567 г.) и в Смоленске (1568 г.).

Фиг. 12. Пушка Богдана 1563 г. Герб и подпись. (Артиллер. Историч. Музей).

Две первые пищали почти одинаковы по длине и весу (3 аршина и 3 арш. 2 верш.; 30 п. 5 ф. и 32 п. 10 ф.), на них „повыше запалу вылита подпись поруски“: лета 7074 (на второй „7075“) — делал Богдан.² Смоленская пищаль значительно больше их:

„Пищаль медная, руского литья, в станку на колесах, ядром 7 гривенок, длина 4 аршина с вершком, старого смоленского наряду; у казны подпись руским писмом: „лета семь тысячъ семдесятъ шестого, делал Богдан“. Весу 42 пуда к ней 100 ядер“.³

Пищали без дат. К третьей группе, недатированных, пищалей относятся 13 экземпляров, которые почти все одинаковы и имеют одну подпись — имя мастера: „Богдан“ или „делал Богдан“, из них пять в XVII в. находились в Смоленске, одна — во Владимире, пять — в Соловецком монастыре, одна — в Старице и одна — в XVIII в. в Архангельске.

Приведем для образца описания одной смоленской и архангельской

пищалей.

Смоленская: „Пищаль медная, в станку на колесах, ядром 6 гривенок, длина 4 аршина с вершком, старого смоленского наряду; у казны подпись руским писмом: „делал Богдан“. Весу сорок восемь пуд двадцать гривенок, к ней 100 ядер“.⁴ Остальные 4 подобны описанной.⁵

¹ Там же, см. сноску 11 на стр. 77.

² Опись военным снарядам в Архангельске и Холмогорах, 1683 г. — Доп. к Актам Историческим, т. X, № 70, стр. 299, 300.

³ Доп. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 293; т. VIII, № 88, стр. 302.

⁴ Там же, т. V, стр. 295; т. VIII, стр. 300.

⁵ Там же, т. V, стр. 296, 297, 299, 300; т. VIII, стр. 301, 303.

Архангельская пищаль описана вместе с другой в „Доношении“ 1727 г.: „2 пушки по калибру ядром штифунтовые, длиною оные по 31 калибру с четвертью, толстотою в стенах две трети калибра, первая весом 48 пуд 12 ф. с дельфинами, с дроздиком или шишкой; на первой надпись Богдан, а чей сын и прозванием не показано, также в котором году лита, того не объявлено“.¹

Смоленские пушки описаны в 1676 г. совсем кратко: как например: „пушка медная „Богдан“ длиною 3 аршина 2 вершка ядро 2 ф. на станку и на колесах; остальные три такие же, но длина 4 арш., а ядро 7 ф.; пятая носит название „Урывок Богдана“, длиною 1 аршин, ядро 8 ф“.²

Во Владимире в 1678 г. „пищаль 3 арш. с 3 вершки, на ней подписано „Богдан“, к ней 181 ядро, весом ядро по 2 фунта и 30 золотн.“³

В Старице в том же году „пушка „Ахдан“ (Богдан) медная „Ахдану“ (Богдану) пушке 104 ядра железных, весом по пол 3 гривенки, к ней же закатных 120 ядер железных, весом меньше гривенок“.⁴

Таковы все известные нам орудия Богдана.

В русской науке имя Богдана известно давно,⁵ но никаких биографических сведений собрать не удалось. Все данные о нем имеются в надписях на его же пушках. Из них мы узнаем, что он „русский“ по происхождению, возможно „белорусс“; в 1554 г. работал в Литве, где может быть и учился своему искусству. В 1563 г. он работает в Москве, где отливает ряд орудий и имеет учеников.

К одному из них и перейдем.

Пищаль „Пятого“. Следующим мастером является „Богданов ученик Пятой“. С его именем в Смоленске имелось одно орудие, почти во всем совпадавшее с пищалью Богдана 1563 г. Описано так: „Пищаль медная, руского литья, в станку на колесах, ядром 7 гривенок, длина 4 аршина полтретья вершка, старого смоленского наряду. На ней у казны орел двояглавый, поверху орла подпись руским писмом „Богданов ученик Пятой“, а от писма и у дула чешуя; летописи не написано: назади за казною вылит репей. Весу 50 пуд. к ней 100 ядер“.⁶

Отличие от пищали Богдана составляет отделка ствола „чешуею“ — прием известный в немецких орудиях этого времени⁷ и сохранившийся в русских еще свыше ста лет.⁸ В русской науке „Пятой“ известен.⁹

¹ Архив АИМ. Дела XVIII в. (сборные). Связка № 4152, лист. 394.

² Доп. к Актам Историческим, т. V, № 67 „Роспись, сколько в Соловецком монастыре... пушек медных и железных, больших и затинных“, стр. 374.

³ Там же, т. IX, № 106, стр. 220.

⁴ Там же, т. IX, № 106, стр. 312.

⁵ Мурзакевич. Ук. соч. стр. 9, № 2; Хмыров М. Д. В „Металлах“ стр. 143 дает ему фамилию „Андрейчихов“ и считает его „учеником Кашпира“, это же и повторяет за ним и Бранденбург (ук. соч. ч. I, стр. 58); несомненная ошибка: фамилия составлена из имени Андрея Чохова, а ученичество у Кашпира относится к Андрею Чохову. См. Дополн. к „Актам Историческим“, т. V, № 51, стр. 301.

⁶ Дополн. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 302; то же, т. VIII, № 88, стр. 304.

⁷ Quellen... табл. CXI — CXII.

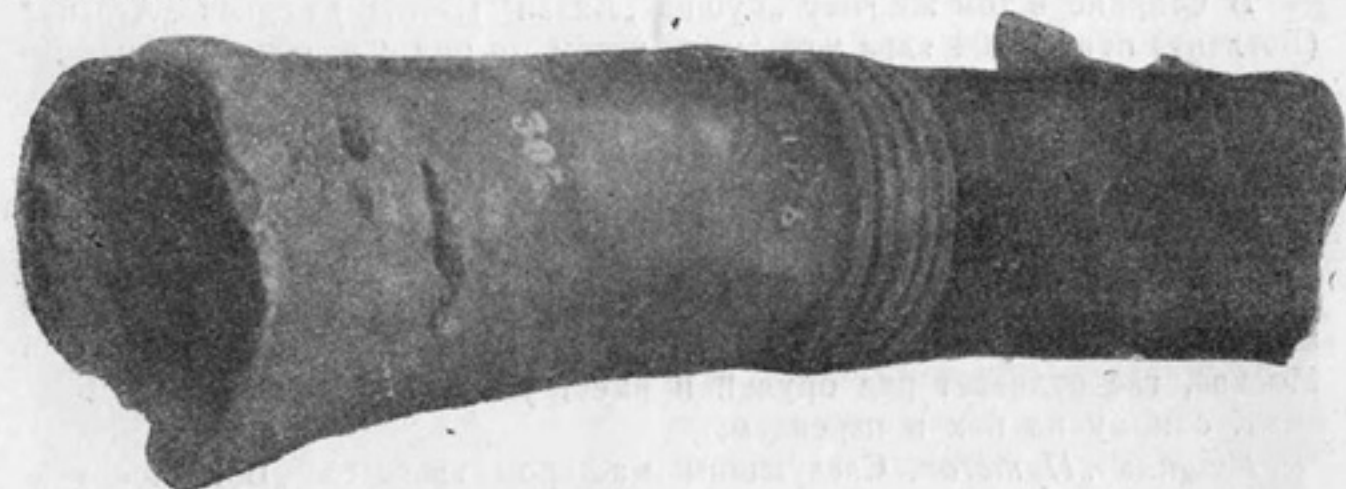
⁸ Печенкиц Н. Ук. соч., стр. 9, № 9, венум. табл. Пушка Ивана Мазепы 1697 г.

⁹ Железнов В. Указатель мастеров... № 942, стр. 46.

Орудия „Кашпира Ганусова“ 1550-ые — 1560-ые гг. Орудия работы „Кашпира Ганусова“, или просто „Кашпира“ особенно ценны, так как он был учителем выдающегося русского пушечного мастера Андрея Чохова (Чехова).

Кашпир Ганусов был иноземец, повидимому, немец; когда он появился в Москве, точно неизвестно, но работал в ней в 1550—1560-ых гг. одновременно с „русским мастером Богданом“. Из орудий его работы дошло до нас одно, но, к сожалению, в очень плохом виде; оно хранится в Артиллерийском Историческом Музее, куда поступило в 1908 г. из города Холма, б. Псковской губернии. Оно сильно пострадало от пожара, но, к счастью, сохранилась часть ствола с именем „Кашпир“ (фиг. 13, 14).¹

Известия о других его работах мы знаем из летописи и описей XVII и XVIII вв.

Фиг. 13. Пушка Кашпира. Общий вид. (Арт. Историч. Музей).

Из них нам удалось собрать сведения о десяти орудиях: одно было под Полоцком в 1563 г., четыре в Смоленске в XVII в. составляли „старый смоленский наряд“, три в XVII в. в Холмогорах, Костроме и Кашире, одно в XVIII в. в Архангельске и одно в Переяславле. Описание начнем с датированных.

Пищаль до 1563 г. О первой пушке, бывшей под Полоцком в 1563 г. в артиллерии Грозного, мы знаем только, что она была большого размера и называлась „Кашпировой“,² несомненно — по надписи имени мастера.

Пищаль 1564 г. „Пищаль медная русского литья; прозвание ей „Острая Панна“, в станку на колесах, ядром 35 гривенок, длина полпята аршина с полувершком, старого смоленского наряду. На ней подпись руским писмом: „Божиею милостию Иоан царь и великий князь, государь всеа Руси, сия пищаль сделана в лето семь тысяч, семьдесят второго, мастер Кашпир Ганусов“. На ней же уши, одно испорчено; к дулу вылиты две ехидны человекообразны до пояса, а от пояса хоботы змеиные; у дула ранена, за казною вылит репей, весу 185 пуд, к ней 100 ядер“.³

¹ Струков Д. П. Путеводитель по Артиллерийскому Историческому Музею. СПб, 1912 г., № 122.

² Полное собрание русских летописей, т. XIII (2), стр. 356.

³ Доп. к Актам Историческим, т. 5, № 51, стр. 303; т. VIII, № 88, стр. 305; в последней описи нет имени Кашпира, а только фамилия „мастер Ганусов“.

Пищаль — типичное немецкое произведение с изображением „ехидн“, т. е. фантастических полулюдей — полузмей, очень распространенных в немецком искусстве эпохи Возрождения.¹

Мы их имеем на указанной выше гравюре Луки Кранаха 1527 г.,² на пушке рижской 1568 г. в Артиллерийском Музее,³ на литом немецком наморднике⁴ и на многих других предметах.

Типичным является и название „Острая Панна“ — полурусский, полупольский перевод немецкого названия орудий „Scharfe Metze“.⁵

Пищали 1566 г. К 1566 г. относятся две пищали: одна находилась в XVII в. в Смоленске, другая в Холмогорах. В Смоленске „Пи-

Фиг. 14. Пушка Кашпира. Подпись.

щаль медная, русского литья, в станку на колесах, ядром 4 гривенки, длина 3 аршина с двумя вершками, старого смоленского наряду. У казны подпись руским писмом: „лета семь тысяч семдесят четвертого, делал Кашпир“.⁶

В Холмогорах: „Пищаль медная, полуторная, московского литья,

¹ Hirth, Georges, Ук. соч., табл. 2, 21—22, 30, 49, 144 и др.

² Butsch, Ук. соч., табл. 93, у нас фиг. 11.

³ Бранденбург, Ук. соч., ч. III, № 46, стр. 37.

⁴ Рыцарский зал Гос. Эрмитажа. М. — 230.

⁵ Quellen... табл. LXXII—LXXIII (1500 г.), CXXVI—CXXVII (1556 г.).

⁶ Дополн. к Актам Историческим, т. V, № 51, стр. 302; т. VIII, № 88, стр. 304.

в станку на колесах, длиною 3 аршина, весом 30 пуд., а по кружалу к той пищали прибрано 24 ядра, весом по 5 фунтов без четверти ядро; а на той пищали выше запалу вылита подпись по русски „лета 7074-го делал Кашпир“.¹

Пищали недатированные. Недатированных пищалей известно семь, из них об одной сохранившейся сказано выше, остальные в XVII в. были в Смоленске, Костроме, Кашире, Переяславле и одна в XVIII в. в Архангельске.

Костромское, каширское и переяславское орудия описаны кратко с отметкой имени мастера: в Костроме — „Пищаль медная Кашпир, мерою 3 арш. с вершком, весом 24 пуд“;² в Кашире — „две пищали медные... другая трех аршин прозвание Кашпир“;³ в Переяславле: — „длинною 3 аршина пол 2 вершки, весом 30 пуд 20 фунтов, на ней подписано рускими литерами Кашпир“.⁴

Более подробно описаны архангельская и смоленская пушки. Архангельская описана вместе с другой: „две пушки по калибру ядром четверех фунтовые, первая весом 19 пуд. 23 ф., вторая 28 пуд. 18 ф., в том числе одна длиною 27 калибров, толстотою в стенах три четверти калибра, без делфинов и без дроздика, на одной надпись имя Кашпиру, а чей сын и прозвание не показано, также и в котором году лита, того не объявлено“.⁵

Смоленские: „пищаль медная, руского литья, в станку на колесах, ядром 6 гривенок, длина 4 арш. с вершком, у казны подпись руским писмом „делал Кашпир“; году не написано. Весу 45 пуд к ней 100 ядер“.⁶

„Пищаль медная, руского литья, в станку на колесах, ядром 6 гривенок, длина 4 аршина с полувершком, старого смоленского наряду. В пушке в середине раковина, летописи и весу ей не написано; у казны подпись руским писмом: „делал Кашпир“. К ней сто ядер“.⁷

Орудия неизвестных мастеров. В дополнение остановимся еще на четырех орудиях XVI в. работы неизвестных мастеров и упомянем о нескольких орудиях, бывших в артиллерии Грозного под Казанью в 1552 г. и оставленных им в этом городе.

Из первых четырех — одно, датированное, известно только по описи, три следующих без дат, но с орнаментом сохранились до нашего времени и принадлежат Артиллерийскому Музею; орудия „казанские“ известны по летописи и по писцовой книге г. Казани 1565—1568 гг.

Начнем с первого. В описи киевских укреплений 1677 г. упоминается пищаль 1499 г.: „пищаль медная, мерою 2 аршина, весу в ней 5 пуд; на ней вылита подпись: „Иоан Божию милостию господарь всеа Руси; в лето 7007 году“.⁸

Дата, содержание надписи, размеры (длина и вес) роднят эту пищаль с орудиями работы Якова Фрязина.¹

Не было ли действительно на ней подписи мастера, или составитель описи ее не прочел — неизвестно.

Вторая и третья пищали неизвестного мастера XVI в. являются четвертым и пятым сохранившимся памятником старой московской артиллерии и находятся в Ленинграде.² Они представляют редкий тип железного кольцевого орудия, спаянного свинцом и обтянутого медью.³

Одно орудие украшено на дульной, средней и казенной частях поясками-ребрами и фризами одинакового плетеного рисунка с дополнительным на казенной части узеньким фризом другого рисунка. Пищаль имеет цапфы, „дельфины“ хорошего рисунка, торель в виде розетки и виноград в виде шишки из стилизованной виноградной грозди с листьями. На казенной части в более позднее время вырезано было обозначение веса орудия, Л + В, т. е. 30 пуд. 2 гривенки.

Второе орудие сильно повреждено, но орнаментальные фризы сохранились, — они того же рисунка, что и на первом.

Оба орудия поступили из Архангельска в 1808 г. и входили в состав наряда Соловецкого монастыря, куда посланы были, по преданию, Грозным.

Четвертая пищаль также находится в плохом состоянии, но сохранила следы орнамента из небольших звездочек.

В 1552 г. в походе под Казань в артиллерии Грозного летописи упоминают ряд орудий, имеющих названия, именно — несколько больших „великих“ пушек: „имя одной Кольцо, а другой имя Ушатая, и огненные пушки, и пищали, тако же и Змей Свертной и Змей Летячей и вся стенобитная замышления“.⁴ Если о двух первых пушках трудно сказать, какие на них могли быть изображения, то две последние имели изображения змей, драконов, летящего и свернувшегося. Орудия с подобными изображениями до нас сохранились — одно от 1590 г. работы Андрея Чохова⁵ и другое — от 1671 г. работы Харитона Иванова.⁶ Оба они носят названия „Аспид“.

„Писцовая книга г. Казани“ 1565—1568 гг., описывая „городовой наряд“, упоминает следующие орудия: „Сокола“, „Сокола свертного“, „Змея свертного“, „Львову голову“ и „Грановитую“ пищаль.⁷

Работами Кашпира и безыменными памятниками мы заканчиваем первый очерк русских подписных и орнаментированных орудий с конца XV по шестидесятые годы XVI в.

Последнюю треть целиком занимают работы Андрея Чохова, его товарищей и учеников, которым будет посвящен следующий очерк, а сейчас подведем итоги нашим наблюдениям.

От конца XV до середины 60-х гг. XVI в. до нас сохранилось очень

¹ Дополн. к Актам Историческим, т. X, № 70, стр. 300.

² Дополн. к Актам Историческим, т. IX, № 106, стр. 224.

³ Там же, стр. 232.

⁴ Архив АИМ. Дела XVIII в., 1723 г. Крепостное отделение. Ведомость о Киевском гарнизоне.

⁵ Архив АИМ, Дела XVIII в. (сборные). Связка № 4152, л. 394.

⁶ Дополн. к Актам Историческим, т. V, стр. 294, т. VIII, стр. 303.

⁷ Там же, т. V, стр. 300.

⁸ Дополн. к Актам Историческим, т. VII, № 28, стр. 168.

¹ См. выше.

² Бранденбург Н. Е. Ук. соч., т. I, стр. 140, № LXIV.

³ Печенкин Н., Описание орудий, стр. 8—9, табл.

⁴ Полное собр. русск. летописей, т. XIX, стр. 452.

⁵ Находится в Москве.

⁶ Находится в Ленинграде на пр. Володарского, Н. Печенкин. Описание орудий... табл., стр. 14—15.

⁷ Материалы по истории народов СССР, вып. II, стр. 2—4.

небольшое число подписных и орнаментированных орудий (7) работы четырех мастеров. Летописи, писцовые книги XVI в. и документы XVII—XVIII вв. дают нам сведения о целом ряде в несколько десятков подобных орудий и называют еще 8 мастеров. Эти 12 мастеров делились на две группы — русских и иноземцев, которые работали вместе — одни учителями, другие учениками — и в своих работах отразили как современную им технику, так и орнаментику эпохи Возрождения. Ярчайшим образцом ее является гаубица Игнатия 1542—1543 гг., которая должна войти в список ценнейших памятников русского искусства.

Кашпиром заканчивается ряд иностранных мастеров и долгое время у нас будет работать целая плеяда талантливых русских литейщиков с Андреем Чоховым во главе. Пышный растительный орнамент Ренессанса они превратят в не менее богатые русские „травы“, которые вместе с надписями пышным ковром покроют наши орудия конца XVI и XVII вв. и перейдут в XVIII в., когда еще раз расцветут на орудиях так называемой „шуваловской“ артиллерии.

К началу XIX в. орнаментика орудий исчезнет одновременно с исчезновением ее на орудиях и в Западной Европе.